

хотя бы самых ученых, новый исследователь вопроса, самъ ученикъ и послѣ collega Срезневскаго, разбирая его мнѣніе, не могъ воздержаться отъ выраженія своего негодованія противъ такого отношенія къ предметамъ науки ¹⁾.

Въ предметахъ научной дѣятельности Срезневскаго замѣчали вообще ту перемѣну, что въ позднѣйшее время онъ все рѣже обращался къ той народности, которая нѣкогда вызывала его романтическое одушевленіе, и все меньше обращался къ цѣльнымъ трудамъ—какими прежде бывали, напримѣръ, его изслѣдованія о древнемъ язычествѣ, объ исторіи русскаго языка: онъ какъ будто избѣгалъ предметовъ спорныхъ, гдѣ должно было высказаться цѣлое научное міровоззрѣніе, и предпочиталъ предметы, безъ сомнѣнія, важные для науки, но очень далекіе отъ возможности рѣзкаго столкновенія мнѣній и т. п. Такова была археологія и въ особенности палеографія, которой почти одной онъ посвятилъ труды послѣднихъ лѣтъ своей жизни.

На укоръ, сдѣланный г. Ламанскимъ, Срезневскій ничѣмъ не отозвался, хотя укоръ былъ серьезный и дѣло шло объ одномъ изъ капитальнѣйшихъ предметовъ славянской науки и національнаго интереса у чеховъ.

— Точно также онъ ничѣмъ не отозвался, когда поднятъ былъ и вопросъ о подлинности тѣхъ „запорожскихъ“ думъ, которыя были имъ введены въ научное и литературное обращеніе и доставили ему первую ученую репутацію, и изъ которыхъ многія признаны были потомъ несомнѣнно поддѣльными. Какъ это произошло, это такъ и осталось неразъясненнымъ. Въ первое время, какъ мы замѣчали, не было и мысли о возможности поддѣлки; думы изъ книги Срезневскаго переходили въ сборники другихъ авторитет-

¹⁾ Г. Ламанскій былъ въ положеніи, очень сходномъ съ положеніемъ Биларскаго въ прежнемъ вопросѣ, и напрасно искалъ опредѣленнаго мнѣнія Срезневскаго. Называя уклончивыя разсужденія Срезневскаго (то восхвалявшія трудъ Патеры, то намекавшія, что это трудъ совсѣмъ неосновательный, и выгораживавшія Ганку) адвокатскими ораторскими приѣмами, г. Ламанскій говорилъ: — „Мнѣ въ высшей степени грустно, но я долженъ откровенно сказать, что нельзя не считать крайне вреднымъ для развитія науки введеніе въ ученныя изслѣдованія приѣмовъ и эффектовъ ораторскихъ. Языкъ и способъ изложенія въ научныхъ изслѣдованіяхъ долженъ быть прямой и строгій... Наука живетъ и развивается только въ свободѣ и требуетъ себѣ языка свободнаго и, слѣдовательно, искренняго. Мысль должна не скрываться, прятаться по угламъ и убѣгать въ потемки, а напротивъ, стремиться къ простотѣ, ясности и свѣту; ученое же изслѣдованіе, громадѣющее примѣры надъ примѣрами, доводя надъ доводами, быть можетъ эффектные, но не доказанные, носить въ самомъ себѣ и наказаніе. Вопросы, сами по себѣ несложные, запутываются и усложняются; доказательства, небрежно приводимыя, порождаютъ новыя ошибки, ложныя заключенія, и вообще являются путаница и хаосъ...“ (Журн. Мин. Просв. 1879, февраль, стр. 345).